

Алекс Норк

**Еще
не вечер**

Алекс Норк
Еще не вечер

«Автор»

2012

Норк А.

Еще не вечер / А. Норк — «Автор», 2012

Убийство священника с покушением на кражу церковных икон. В действиях преступников обнаруживается нелогичное поведение. Лес в пригороде, где рядом находится церковь, имеет дурную славу – в нем пропадают люди, и любопытную историю – в 30-ые годы там базировался секретный исследовательский центр НКВД. Родовая линия убитого священника также ведет к этому центру. «Темные силы» стремятся овладеть исторической тайной. Разные ветки истории – мистика или неизученная реальность?

© Норк А., 2012

© Автор, 2012

Алекс Норк

Еще не вечер

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Виктор почти не раздумывал, когда предложили поработать на периферии в должности прокурора города.

В Московской прокуратуре он был из ряда «белых ворон», и без влиятельных связей. В звании советника второго ранга, то есть подполковника, так можно долго еще сидеть, а тут повышение сразу, и возврат в Москву через пять-шесть лет ему гарантирован.

Однако не это, а психологическое состояние сыграло главную роль, – унылость в последнее время придавила, ощущение незначительной жизни, но хуже всего – жизнь эта может так дальше длиться и так, никакой, и закончиться.

А новое место хорошо уже тем, что он, во-первых, станет полным начальником прокурорской местной системы и, во-вторых, одним из главных лиц города; захотелось чего-то вроде первого парня на деревне, прямо перед отъездом он всем организмом почувствовал – ужасно этого хочет! К тому же, возникает реальная перспектива выслуги на генеральский чин. А что зазорного? Особенно если учесть – за все время московской службы находился в условиях, когда нельзя самому принять ни одного серьезного решения. Начальников дурных туча – какой-то тянущий в себя грязь пылесос... хотя и другие учреждения Земли русской не лучше сейчас.

Не надо, конечно, в наивность впадать – на новом месте без помех тоже не обойдется, только там все же другое соотношение сил – немало будет зависеть от него самого.

С годами только, и недавно совсем, пришло важное понимание опасности от сверху над собой человеческой дряни – от очень много ее или не очень. Вот в последние годы у него было «очень». И хоть на каждую гадость вырабатывается свой способ защиты, каждая в отдельности здоровой психике не угрожает, но оказывается, и замечается иногда с трагическим опозданием: при каком-то количестве гадкие единицы складываются в интеграл – давящую человека мощную силу.

Совсем ближе к отъезду Виктор уже с удивлением взирал на себя самого – надо было раньше гораздо вырваться из этой опостылевающей жизни.

Город, так странно совпало, из трех на выбор – в числе их оказался его родной городок. Раннего мальчишеского детства, откуда они с отцом скоро уехали после смерти мамы.

И где он не был с тех пор. Мама умерла после операции в московской клинике, и ее похоронили в Москве.

Когда месяц назад пришлось выбирать, не задумался даже – конечно в родной свой город.

Менее суток в поезде, который приходит на следующее утро.

* * *

Он с первых часов не мог ни к чему приделаться – книга, газеты – всё не читалось, глаза уходили от строк. Спать днем вообще не умел, сидеть в немного душном купе с тремя все время

говорящими пассажирами было томительно – он всегда быстро уставал от пустой человеческой речи.

Скоро, выбравшись в коридор, устроился стоять у окна – поезд проходил уже дальше Подмосковье.

Начало июня, но лето в этом году запаздывает, прохладно.

Мимо пробежали дорогие кирпичные постройки в два-три этажа, в соседстве с бедными деревянными домиками – некоторым лет пятьдесят-шестьдесят – «накопили» трудяги за два поколения; не новое зрелище, а сколько б ни повторялось, всегда напрягает – к дикости нормальное человеческое сознание привыкнуть не может.

По определению.

Потому что нормальное.

Скоро Подмосковье закончилось и пошла какая-то случайно населенная местность.

...

Поезд совсем ускорился.

Меняются километровые столбики, движение такое быстрое, что планы почти бегут за окном – тихий близкий к полотну лес отодвинулся вдруг, уступил место полю, состав пошел на подъем и открывается даль: за полем идет перелесок, и снова другое поле, за ним – дорога с крошками-автомобилями, а дальше вьется, поблескивая на солнце, тонкой змейкой река; да всё это близко еще – там убегающий к горизонту простор, и сам горизонт не дается глазу – не исчезает, а уходит-уходит, обнаруживая все время какую-то новую твердь – бесконечность российскую!

Радость от встречи с ней... и грусть, потому что маленькой совсем видится рядом человеческая жизнь.

Не первый так раз – восторг готов охватить, да приходит тоска-победительница, и нельзя понять, куда делось прикосновение к нескончаемому, отчего так быстро ушло?

Неправильное здесь что-то.

В основе, в самой жизни, которую ведет человек.

На первой большой станции Виктор вышел, с намерением купить пирожок какой-нибудь и кефир. В дорогу продуктов не взял – один раз можно сходить в ресторан, а так – покупать что-то у местных.

Но на платформе никаких местных.

Зато здоровые парни в комбинезонах «ОМОН».

Правильно, тут им самое по назначению занятие – бабок с пирожками гонять.

Потом еще около часа простоял у окна.

И отправился в вагон-ресторан.

Чисто, уютно вполне.

Дороговатые цены, но, в общем, приемлемо.

Хотел сперва для расслабления заказать сто граммов водки, однако в последний момент передумал.

Да, и что-то мешает...

Девка полуголая с большого экрана под безобразный ударный звон кричит ему прямо в лицо: «Ты встретишь меня, но уже без тебя!!»

То есть – абра с кадаброй.

Еще какие-то словечки... и идиотская угроза повторяется.

– Простите, у вас нет чего-нибудь другого?

- Чего другого?
 - Ну, Джо Дассена, например, Иглесиаса?
 - Этого нет.
 - Тогда нельзя потише?
 - Запись работает для всех присутствующих.
 - Но это же гадость.
 - Гадость! – поддержала женщина через столик.
- Две служащие переглянулись, и «гадость» пошла под меньшую громкость.
Он все-таки не сдержался и, адресуясь к солидарной с ним даме, громко сказал:
- Как они сами такое выносят?
 - А мы уже и не слышим, – ответили ему довольными голосами.

Свинина с гарниром оказалась вкусной, хорошо приготовленной, приятный пищевой процесс стал снимать раздражение.

Еще он выпил чаю с лимоном.

И отправился опять стоять у окна.

Часа через два прилег, соседи по купе дружно спали.

Повалялся с открытыми глазами, но к счастью недолго – надвигалась крупная станция.

Здесь не гоняли. Народ, старый и молодой, бегал вдоль вагонов с большими сумками, предлагая пиво, вяленую рыбу, разное съестное.

Он купил не очень понимая, чего именно хочет, и кажется, больше чем нужно.

Поезд, поменяв тепловоз, двинулся дальше, время куда-то делось, взамен ему пришло спокойное безразличие.

День понемногу стал снижать яркость, уже за окном вечеряющие поля или верхушки лесов, по которым скользят мягкие лучики солнца, но в верхушках этих нерадостность, отрешенность – не знают, зачем прошел этот день, для чего следующий, и лучики – мягкие ласковые – им, похоже, не очень нужны.

* * *

Виктор проспал спокойно, без запомнившегося сна, а минут за пятнадцать до прибытия вдруг почувствовал, что немного волнуется.

Оттого что увидит город своего детства?.. Нет, неопределенное какое-то волнение.

Встретить должны из прокуратуры, номер вагона им сообщили.

Он взял чемодан, закинул сумку ремнем на плечо и заблаговременно двинулся в тамбур, чтобы не толкаться потом с выходящими пассажирами.

В тамбуре уже стоял проводник.

Через пять минут поезд пополз по перрону.

И вот, начал тормозиться совсем.

– Ой, кого это у нас полиция встречает? – произнес проводник. – Да еще высший чин!

На перроне, почти точно у места выхода, стоял полковник, еще какой-то офицер, и в синем – от прокуратуры – молодой человек с капитанскими звездочками.

– Меня встречают. Спасибо за поездку, всего хорошего.

Проводник почти стремительно открыл ему дверь.

Он не в форменной одежде – в легком пиджаке, майке и молодежных чуть комковатых брюках. Но одного взгляда достаточно – сразу узнали, офицер берет у него чемодан и сдергивает с плеча сумку, полковник подает руку.

– Приветствую вас, Виктор Сергеевич, с прибытием, можно сказать, на родную землю!

Молодой человек тоже протягивает руку, но робко, и представляется, с заминкой, помощником прокурора, краснеет слегка – понятно, теперь неизвестно куда «новая метла» пометет.

– Рад познакомиться, значит, вы мой помощник. А как узнали, что я из этих мест?

Они слегка отошли, чтоб не мешать высадке пассажиров, офицер уже понес по перрону сумку и чемодан.

Полковник – с хитровой улыбкой, лицо приятное, хотя немного разъезженное; впрочем, как им всем и положено в этом чине и возрасте.

– Ну, я бы вас, Виктор Сергеевич, не узнал с тех мальчишеских лет, а вы меня никак не припоминаете? А?.. На плечах у меня сживали.

– Постойте... постойте, да что же это... Игорь?

– Так точно.

– Мой лейтенант! Простите, да я отчества вашего не знал никогда.

– Игорь Петрович, – подсказал ему молодой помощник.

– Сожалею, Витя, что не попал я на похороны батюшки твоего. Можно тебя по-старому?

– Ну а как еще.

– Операцию в районе проводили по задержанию банды.

Память – кусочки оттуда теснят друг друга; сейчас у них у обоих именно так – пласт жизни, ушедшей, вдруг возвратился совсем живым, и сердце обрадовалось, а разум сказал: «вот так время и дальше поскачет, ни на что другое уж не рассчитывайте».

Двинулись по перрону на выход, среди спешащих, вклинивающихся людей трудно было продолжать разговор.

«Лейтенант Игорь» – адъютант его отца, молодой, стройный, всегда с улыбкой и шутками. И когда в выходные выезжали на газике к озерам или в лес за грибами, Игорь почти всегда был с ними. Господи, все помнится, как вчера... а время летит, несет уже некоторых к границам жизни, вот у него всех самых близких и за эту границу перенесло. И самому уже тридцать девять, а Игорю было тогда... двадцать пять или двадцать шесть, значит, за пятьдесят сейчас – конец службы идет.

От вокзала, сказали, всего десять минут езды.

По дороге он понял, это совсем другой город – не только очень разросшийся, но и со всеми претензиями на современный быт и блага: бытики с фирменными знаками, магазины красиво оформленные, ресторанные заведения... растяжки на их пути приглашают посетить концерт звезд московской эстрады.

И мимо места бывшего его родного дома проехали, где башня теперь стоит высоченная.

Наверно и лучше, что старого дома нет: неправильное что-то – увидеть вдруг окна, из которых он выглядывал, забравшись с коленками на подоконник, – пустые без него окна... живое внутри, никуда не ушедшее, не хочет сталкиваться с тем, что его уже нет.

Квартира служебная – большая трехкомнатная.

Положенная ему от предшественника, а тот был семейный.

Но что положено, то положено, и как сказал Игорь Петрович: «может, тут женишься скоро, семью, наконец, заведешь».

Еще сказал: «На знакомство в мэрию ехать не с кем сейчас. Мэр в отпуске где-то за рубежом, вице-мэр печень в губернской больнице от алкоголя лечит».

О делах решили поговорить часа через три у полковника в Управлении.

Виктор начал распаковывать чемодан.

В двух шкафах приятно обнаружилось большое количество вешалок.

Но успел воспользоваться только одной – в дверь позвонили.

Странно.

...

Еще более странно – женщина лет тридцати в модном брючном костюме.

Глаза интересные – темные, но вроде не карие, и цвет словно бы переменчивый.

Фигура тоже позвала посмотреть.

Он несколько замедлился с ответом, и с ним второй раз поздоровались.

– Да, здравствуйте. Вы к кому?

– К вам. Если вы – наш новый городской прокурор.

Сразу явилась мысль: обиженная пришла искать справедливости.

– А не могли бы прийти завтра в прокуратуру, я запишу на прием вашу фамилию.

– Ваш предшественник не был таким формалистом.

– Хотите сказать, он принимал на дому?

– Журналистов, да.

– Ах так...

Отказывать было совсем неловко.

Хотя вот, сваливаться сразу на голову тоже нехорошо.

Он жестом пригласил ее внутрь, а та, с просящей снисхождения улыбкой, произнесла:

– Вы же понимаете, какое значение для газеты имеет срочность новостей.

– Как называется газета? Садитесь в любое из кресел.

– Спасибо. – Гостя сразу устроилась и стала тащить из сумочки подзастрявший там записывающий аппарат. – Газета называется «Еще не вечер».

– Утренняя?

– Наоборот, вечерняя. – Она взглянула искоса, опять ему понравился непонятно темный цвет ее глаз. – Вам название не по вкусу?

– М-м, затрудняюсь. Похоже, как это говорят, на прикол.

– Почти так и есть. Ваше имя и отчество я знаю, а меня зовут Мария Шестова. Я начну задавать вопросы? Всего несколько, вы не беспокойтесь.

– Пожалуйста.

– Получив назначение, вы, конечно, предварительно ознакомились с отчетами о криминальной ситуации в нашем городе. Как вы ее оцениваете?

– По категории средних городов она где-то на двадцать процентов лучше общего статистического показателя.

– Но люди все равно оценивают ситуацию здесь как мало благополучную.

– А где она... – он тут же махнул рукой, чтобы не шло в зачет. – Будем упорно работать, это я твердо могу обещать.

– Считаете ли вы, что меры уголовного наказания в России должны быть законодательно усилены?

– Считаю, и особенно в отношении рецидивистов.

– Несколько личный вопрос, если позволите, вы христианин?

– Во всяком случае, стараюсь им быть.

– Противник или сторонник смертной казни?

– Сторонник.

– А как же заповедь «не убий»?

Виктор терпеть не мог эту стандартную схему, и начал чуть громче нужного:

– Она адресована убийцам. Как заповедь «не укради» – людям, не считающим постыдным украсть. И хочу напомнить один эпизод из Евангелия: бесы, изгнанные Христом из одержимого, просили Его – «не губи нас», Христос обратил их в свиней и те, почему-то, вдруг попрыгали в море и утонули. Они, что, сами с собой покончили? – Он одернул себя и продолжил спокойней: – Богословские комментарии об этом умалчивают, но очевидно – имел место факт уничтожения мерзости, существ вредоносных, опасных для нормальной человеческой жизни.

– А как же заявление главы государства, что только Бог может забрать человеческую жизнь?

– Ответ на это уже давно дал философ Иван Ильин: «А кто знает, что не Бог движет моей рукой, когда я караю преступника». И во-вторых, вас, может быть, удивит, но я в свое время давал присягу Родине, а не ее руководителям, так что личное мнение государственного чиновника – всего лишь его личное мнение. Однако вернемся к богословию, – здесь прокурор, благодаря постоянным контактам со сверхкультурным приятелем, чувствовал себя весьма уверенно, – вытаскивать что-либо из священных текстов и буквально трактовать очень опасно. Самый простой пример – первая заповедь, данная еще Моисею: не делай другому того, чего не желаешь себе. Отчего бы в связи с этим не открыть все тюрьмы, не прекратить начатые уголовные дела?

Он сам услышал, как слова выдали вновь возникшее раздражение.

Впрочем, у гостя мелькнула поощрительная улыбка.

– Верите в существование зла как такового?

– Тут дело не в вере... по многолетней практике знаю, что оно есть.

– То есть человек, например, может рождаться изначально порочным?

Прокурор чуть поморщился.

– Давайте аккуратней с понятиями: не порочным, а я бы сказал – с психическими наклонностями. В том числе с наклонностями к причинению вреда другим людям. Обратите внимание, маньяками и садистами именно рождаются, а не становятся, – это давно медицинский факт. Но если зло носит менее экстремальный характер, почему-то считается, что человек «сбил с правильного пути» и тому подобное.

– А разве так не бывает?

– Бывает. Но не трижды-четырежды.

– Предлагаете к таким больше применять кнут, чем пряник?

– Что вы имеете в виду под «пряником».

– Ну, воспитательные меры, образование, вовлечение в культурную жизнь.

– Предлагаю вообще не использовать «пряники». Поверьте, некоторые люди понимают исключительно одну силу и сдерживают себя только от страха перед ней.

Из того, как гостя хмыкнула и качнула головой, можно было понять – она не вполне принимает сказанное, хотя сама до конца не знает ответа.

– Употребление наркотиков в городе, в том числе ранее – в школьном возрасте – не снижается, а растет. Существуют, на ваш взгляд, способы кардинально изменить ситуацию?

– Только два, но взятые вместе: значительное законодательное ужесточение наказаний наркоторговцев и увеличение оперативно-розыскных мероприятий. Последнее я подниму на максимально возможный уровень, – он приумолк перед неприятной для себя оговоркой: – Для этого, как вы понимаете, требуются человеческие и денежные ресурсы.

– И того и другого мало, не так ли?

– Именно так. Правоохранительные органы вообще продолжают финансировать по остаточному принципу. Наркотики – это деньги, а с деньгами нельзя бороться имея пустыми собственными карманами.

Она, соглашаясь, кивнула и неожиданно спросила полу-утвердительным тоном:

– Вам, конечно, уже известно о позавчерашнем, взволновавшем город, убийстве священника?

– Я пока не ознакомился с обстоятельствами.

Виктор порадовался своей быстрой реакции – людям сходу не объяснишь, что о делах говорят в рабочих кабинетах, а не на перронах вокзалов, – ни о каком священнике он еще ничего не знает.

Гостья, впрочем, не стала настаивать и попросила коротко рассказать служебную часть биографии.

Прокурор, довольный уходом от неудобной темы, подробно всё изложил.

И полагая, что это уже финал, приготовился встать из кресла, чтоб проводить гостью, однако неожиданно услышал:

– Дела по исчезновению людей в Черном лесу, вы будете их возобновлять?

– Исчезновения? – Он ни о чем таком понятия не имел. – Поясните, пожалуйста, про что речь.

Она вдруг проверила его взглядом... хорошо, что не сделала так, когда спрашивала про священника. Виктор почувствовал – он слишком «распахнут» к этой привлекательной женщине.

Она что-то взвесила:

– Пожалуй, я выключу запись. Для первого раза достаточно, но вы обещаете, что будете сотрудничать с нашей газетой?

– Сотрудничество с прессой входит в обязанности прокуратуры. Так о каких исчезновениях вы говорили? И прошу прощения, не могу предложить вам ни чаю, ни кофе, на кухне всё пусто.

– Ради бога, не беспокойтесь. Об исчезновениях? А вы не помните, Виктор Сергеевич, во времена вашего детства здесь в городе, в Черном лесу, пропал мальчик?

Сразу почти и всплыло: лето, несколько подростков пошли вечером в лес разжечь костер – любимое занятие детворы того времени. Мальчики были старше него – лет одиннадцати-двенадцати... и в компании оказался, в том числе, их по подъезду мальчик-сосед... разожгли костер, потом, чтобы поддержать огонь, разошлись метров на тридцать в стороны, один не вернулся. Лес этот редкий, деревца небольшие, вечер только вначале – видно между деревьями... мальчишки заволновались, начали искать сами, потом прибежали на помощь позвать, и этот соседский – прямо к его отцу.

– Да, очень хорошо помню, всю полицию подняли на ноги, прочесали этот небольшой лес. Отец, между прочим, тут же сообщил в Областное управление внутренних дел, разослали приметы мальчика. Помню еще, отец из квартиры сразу дал по телефону приказ проверять все машины на районных дорогах.

– И никаких следов мальчика, как и следов нападения.

– Верно. Откуда вам известна эта история?

– О, у нас прошла целая серия публикаций об исчезновениях в Черном лесу.

– Были еще?

– Были, а последнее – неделю назад.

– Строго говоря, это еще не срок, чтобы констатировать пропажу, а кто пропал?

– Работник китайского ресторана.

– Наш?

– Нет, китаец.

- С этим делом я сразу же познакомлюсь.
- Боюсь, что по прокуратуре оно не заведено.
- То есть как?

Гостья неопределенно повела вверх бровями и встала из кресла.

- Очень рада была познакомиться.
- Виктор почувствовал себя «при исполнении».
- Послушайте, Маша... можно вас так?

– Конечно.

– Маша, пропажа иностранного гражданина – это не комар начихал... Что вы улыбаетесь?

– Образ хороший.

– Я серьезно.

– Ну, если серьезно, поступила такая информация от одного нашего источника. Вполне возможно, недостоверная. У нас источников по городу – не один и не два десятка. Есть бесплатные информаторы, кто-то за небольшие деньги, бывает – и за бутылку водки.

– Значит, пока только слух?

– Скорее, так, – с выраженьем «за что купила» она сделала вид, что просит о снисхождении.

И сунула руку в сумочку:

– Вот моя визитная карточка, а это – визитка нашего кафе «Для своих». Буду рада вас видеть.

Их глаза встретились близко совсем, Виктор вспомнил, как лет в пятнадцать влюбился в школе в одну их девочку, в ее глаза тоже очень хотелось и тоже трудно было смотреть.

Через час он вошел в здание своей новой конторы, а еще через тридцать минут началось назначенное им общее ознакомительное совещание.

Плохо началось.

Сразу выяснилось, что предшественник не только забрал своего заместителя, но и опытного следователя «по особо важным», а еще один следователь ушел неделю назад на пенсию – недостаток кадров оказался уж слишком значительным.

Виктор озлился и первым делом у себя в кабинете набрал губернский номер – предшественника, который теперь его как начальник курировал.

Тот вежливо выслушал, несмотря на несколько взвинченный тон, и успокоил тем, что через пару недель придет двух молодых специалистов. Еще сказал, что с отцом знаком был неплохо, и совсем ласково пригласил, не особо откладывая, приехать для личной встречи.

Виктор остыл, прогулялся, осматриваясь, по новому кабинету, и вызвал помощника.

– Вот что, Володя, скоро двух молодых пришлют, один из них займет твое место. А тебя перевожу в следователи «по особым», потом на советника третьего ранга представлю. Заменяй четыре звездочки на одну большую.

– Спасибо, Виктор Сергеевич.

– Ты со «спасибо» не торопись. Возьмешь дело священника. Полиция по нему материалы еще не представила?

– Нет пока. Но обещали к середине дня.

– В середине дня я сам у Игоря Петровича буду. В общем, готовься.

– Есть!

Все-таки рад парень и скрыть не может, да он и сам помнит, как был в такой же ситуации лет девять назад.

– Скажи мне, к нам заявления о пропаже людей какие-нибудь поступали?

– Давно не было.

– А ресторанов китайских в городе много?

Молодой человек удивился вопросу, но любопытствовать, к чему задан, не стал.
– Насколько я знаю – один. Может быть, забегаловки какие еще... я уточню.

Перед отходом из дома он положил в боковой карман кителя визитную карточку этой Марии Шестовой, и ту вторую – кофейную. Захотелось их рассмотреть.

...на первой визитке указано, что гостя его никакая не журналистка, а главный редактор... кроме служебного телефона на обратной стороне ручкой написан мобильный.

Визитка кафе, по виду – ни что иное как пропуск.

Тут же название: «Для своих».

Следующие два часа Виктор потратил на персональные разговоры с сотрудниками, общее ознакомление с делами, которые те ведут. И подошло назначенное для встречи с Игорем Петровичем время.

По московским меркам тут было недалеко, он отправился в полицейское управление пешим ходом.

Прохладный стоял июнь, в кители в самый раз.

Люди на улице, конечно, кидали взгляды на погоны с тремя крупными звездами, Виктор поймал себя на маленьком от этого удовольствии.

Хотя впрямь, конечно, незачем так светиться, надо пользоваться служебной машиной.

В приемную вошел минута в минуту и сразу наткнулся на какие-то съестные приготовления. Ясно, время обеденное, его угостить хотят.

Так и вышло – полковник, крепко пожав руку, сразу предложил пройти в комнатку отдыха за кабинетом, где уже был готов столик со скатертью, приборами и вазочкой с цветами посередине.

– У тебя ведь, Витя, сегодня еще день отдыха после прибытия.

– Я уже предварительное ознакомление провел.

– Понятно, не терпится. Ну и хватит для начала, спокойно теперь посидим.

– Но вы расскажите мне про ситуацию в городе.

– Конечно, куда мы от нее денемся.

Принесли закуски, хозяин поставил бутылку водки, мудреную какую-то, здешнего производства, и с радостью ее представил:

– Отменной очистки, спецпродукция – в продажу почти не поступает.

Прокурор про себя улыбнулся – ох, любит провинция такие полудетские штучки: привыкли еще с советских времен, чтобы было особенное, и только «для узкого круга лиц».

Выпили сначала за покойного отца Виктора, потом тоже за уже покойного отца Игоря Петровича. Тот, оказалось, умер всего два года назад, дожил до глубокой старости. Виктор плохо его помнил, даже не помнил лица, а так – общий вид: сильный, заметно прихрамывающий от фронтального ранения мужчина, здесь очень долгое время работал председателем городского совета, толковый считался и уважаемый.

Разговор с семейных быстро перекинулся на дела городские.

Тут, как во многих российских провинциях, уже отстрелялись, поделились и более или менее договорились. Группировки в основном занимаются бизнесом, самая крупная – строительным. Правда и губернская одна компания в строительство влезла, но уживаются. Азербайджанцы контролируют два главных рынка, имеют пару десятков кафе-ресторанов и, почти как везде, «крышуют» таджиков и других азиатов. Здесь же основные каналы наркотиков. Активно препятствовать их поступлению среди тонн овощей и фруктов практически невозможно, хотя отдельные успешные операции проводились. «Напряженки» между местной моло-

дежью и пришлыми случаются, но драк с серьезными последствиями уже приличное время не было. А «бытовухи» всякой и воровства, конечно, хоть отбавляй.

Поговорили о московских делах и опять вернулись сюда к городским.

Мэрия, само собой, делишками с землеотводом и прочими «разрешениями» промышляет, но предшественник Виктора их неплохо зажал. И «подходов» к нему не было – честный мужик. Хотя злые языки говорят, потому что дочка с мужем – продвинутые биологи, крупные деньги в Америке заколачивают.

– Ты, Вить, визит к нему не откладывай, он тебя в ряде вопросов лучше, чем я, ориентирует.

– А с убийством священника что?

– Предварительные материалы с час назад к вам отправили. Кто у тебя этим делом займется?

– Владимир. Я его на следственную работу по «особо важным» перевожу.

– Разумно, он толковый парень. А в общих чертах с этим убийством...

Хозяин прервался, потому что принесли шашлычки.

Соус к ним.

Запах очень хорошо приготовленного мяса со специями.

– Это откуда такая прелесть?

– Ребята съездили. Всего метров шестьсот отсюда у Черного леса азербайджанец шашлычную держит. Недавно открыл.

– Тоже торгует наркотиками?

– Вить, они все тут завязаны и перевязаны. Доскажу, пока шашлычки чуть остынут. Да... собор старый в центре города ты помнишь?

– Прекрасно помню, и вид его запущенный, обветшалый.

– Сейчас – в хорошем состоянии. И действуют еще шесть церквей. Убитый сначала работал вторым священником у протопопа в соборе, а год назад один наш авторитет – тот самый, что крупный строитель сейчас, – поставил у Черного леса, по случаю смерти брата, новую небольшую церковь. Так вот этот священник перешел, значит, туда как самостоятельный поп.

Хозяин наполнил рюмки и снова заговорил:

– Видимо, была попытка ограбления церкви. Священника ударили небольшой садовой лопатой в висок. Время эксперт называет между одиннадцатью вечера и первым часом ночи. Однако воров кто-то спугнул, выломали из иконостаса несколько икон... кажется, одну только выломали до конца, – в общем, бросили все и сбежали.

– Почему во множественном числе, вы сказали «воров»?

– А-а, синяки обнаружены на подмышках и голених. Ударили при входе, потом втаскивали внутрь.

К шести вечера Виктора доставили на машине домой.

Времени было достаточно, чтобы заняться своими делами – начать налаживать обиход.

Прежде всего – сходить в магазин, он привык в Москве, чтобы холодильник был с нормальным резервом.

Выпили они в разумных пределах, и, действительно, очень хорошей водки, но на вечер пару бутылок пива взять смысл имело.

Дом в центре города – рядом супермаркет, еще что-то продовольственное.

Воздух на улице показался заметно теплее, чем днем.

Исправляется, вроде, погода в сторону лета.

В супермаркете, сразу стало понятно – ассортимент, как и в московских больших магазинах, цены... он никогда их толком не запоминал, но похоже – того же уровня.

Вспомнилось по материалам, которые он читал, что город очень даже не бедный. Здесь удобная транспортная линия – до столицы губернии всего час и полтора до столицы соседней губернии. Крупные склады работают – их дешево тут держать – разбрасывают потом завозную продукцию по удобному радиусу. С рабочими местами совсем неплохо, предприятия ожившие почти все, некоторые – на хорошем подъеме.

Из супермаркета он вышел с двумя большими пакетами, и у перехода на другую сторону улицы наткнулся на юношу школьного возраста с синей безрукавке поверх свитера, на которой крупными буквами значилось «Еще не вечер», рядом – сумка с газетами.

Виктор купил номер и сунул в карман пиджака.

Ужинать было рановато, сытный обед оставлял еще ощущение достаточности.

Прокурор сел под торшер в кресло, развернул газету и, как всегда, начал смотреть ее с середины.

Газета на восьми полосах... со второй половины уже начинает пестреть реклама... сгущаясь и превращаясь почти в сплошную на восьмой полосе.

Что там вначале?

Политика.

...

Дают в виде сжатой информации, выгащенной, разумеется, большей частью из Интернета, но внятно, доходчиво для широкой аудитории.

А на второй полосе он сразу увидел свою фотографию. Не анфас, а в несколько вольном боковом ракурсе, и хорошо виден погон с тремя звездочками.

Сам так никогда не снимался.

Отретушированный фон, однако ясно – снимок мог быть сделан только сегодня на улице.

То есть госпожа Шестова не взяла с собой фотографа на тот случай, если прокурор не захочет сниматься. А так – взятки гладки.

Виктор начал читать.

В тексте его слова были переданы не прямой речью, но в целом без искажений. Дальше, однако, нахально повествовалось, что «по данным газеты от источника из московской прокуратуры» человек он не только принципиальный, но и с начальством конфликтный. Чуть ли ни чтоб избавиться, его сюда и сослали. И в том же уверенном тоне и в смысле «ужо погодите», шли намеки, что в городе кое-кому теперь очень не поздоровится.

Насчет кому именно «не поздоровится», он сам еще никакого понятия не имеет, и Игорь Петрович прав – откладывать с визитом к предшественнику не нужно. Пожалуй, послезавтра и надо туда смотаться.

* * *

=====

Черные вихри выплеснулись из земли, стали рваться наружу, бросились вверх и, не найдя пути, разбежались в стороны с такой силой, что заколебались ближние ветки, – возмущенное сознание требовало ответа: как такое могло случиться? Еще мгновение назад казалось – все идет к нужному результату, по рассчитанному, с запасом времени плану... мозг хочет теперь пересчитать-проверить, но чувства бунтуют и не дают... мозг, чувства, он сам – всё отдельно и всё в раздоре.

=====

Утро было гораздо теплее вчерашнего, прокурор сразу открыл дверное стекло машины, внутри стал забиваться приятный ветерок.

– Это что? – он указал на овальное этажей уже в девять здание, за пластиковым строительным забором: – Действительно пятизвездочная гостиница строится?

– На плакате она пятизвездочная, – с ухмылкой ответил шофер, однако добавил: – Нет, Зубакин, конечно, нормально построит, на четыре звезды, надо думать, потянет.

– Зубакин, который из авторитетов строителем стал?

– Он самый.

В прокуратуре в приемной уже сидел Владимир – служебная папка покоилась на соседнем стуле – он встал и вытянулся.

– С материалами по священнику, Володь?

– Да. Сейчас вам удобно?

– Очень удобно, проходи.

Вошли в кабинет.

Молодой человек подождал, когда сядет начальник, положил перед ним папку нужной для чтения стороной и сел напротив.

Прокурор поблагодарил, открыл папку...

Так, протокол осмотра... заключение судмедэкспертизы... фотографии с места преступления.

Он начал с фотографий.

– Ты рассказывай, я пока рассмотрю.

– Значит, история следующая.

Снимок с номером один в правом верхнем углу: человек лежит на полу, под головой что-то похожее на пиджак.

– Убит был ударом в висок концом небольшой садовой лопаты.

– Лопату, Игорь Петрович говорил, они на месте преступления бросили?

– Да, она есть на одной из фотографий.

Второй снимок, сделанный ближе: голова и плечи лежат на пиджаке, который развернут изнанкой.

– Дьякон тамошний сказал – лопата их собственная. Стояла всегда у заборчика, там сбоку от дорожки к входу в церковь цветочные клумбы.

Снимок головы убитого: струйка крови вдоль уха и вниз по скуле, но не дошла до шеи.

Помощник продолжал:

– Дьякон этот, мальчишка совсем. Прибыл после трех лет семинарии. О священнике рассказал очень мало.

– Черепную кость не пробрили, но обширное внутреннее кровоизлияние, так в экспертизе сказано?

– Так. Это вы по малому количеству крови?

– В том числе. А что именно рассказал этот дьякон?

– Со священником ему мало удалось пообщаться. Тот его по делам службы инструктировал, но больше почти ни о чем не беседовали.

Еще фотография – волосы и борода с небольшой сединой... ага, голова очень характерно в сторону сдвинута.

– Говорил, убитый был с ним, что называется, на дистанции. Еще говорил, тот задерживался допоздна. Там вроде маленького кабинетика у него.

– Экспертиза контрактуру шейных мышц справа обнаружила?

– Обнаружила. Как вы это?

– Насмотрелся, Володь. Первые пять лет службы только убийствами и занимался. Не заметил дьякон в священнике опасливости какой-нибудь, ну, что-то на эту тему?

– Нет, я спросил, разумеется.

На других снимках фрагменты внутреннего церковного помещения... вон, икона валяется.

– Отпечатков на лопатке, она есть на фотографии...

– Я видел.

– Отпечатков не оставили.

– Протерли, не дураки же совсем. В смысле ценностей, на которые покушались, что дьякон сказал?

– В иконостасе, ну и отдельно, на стенах, под которыми подсвечники высокие стоят... – Прокурору удалось разглядеть: кровь прошла еще вбок по скуле под волосами и, наверное, прокапала на пиджак. – В иконостасе были две старые иконы ярославской школы пятнадцатого века, их настоятель городского собора на открытие церкви отдал. Одну пытались выломать, она, вот, удобно как раз стоит почти по центру. Видите, там стрелочка небольшая?

– Вижу. А та, что на полу валяется?

– Новое письмо, дьякон сказал – тысяч двадцать.

– Рублей?

– Да. Это что-то вроде серийной продукции. Мастерские выполняют их в основном по лекалам.

– А другая ярославская где?

– Очень неудобно расположена, сбоку вверху.

– Да, вижу вторую стрелку.

– У них, оказывается, для каждой иконы свое непростое место, в зависимости от того, что изображается, – поделился молодой человек как большим откровением.

– А насколько эти ярославские тянут?

– Дьякон сам толком не знает. Но дорогие.

Прокурор поднял голову, что-то припоминая...

Потом вернулся в прежнее положение и быстро снял телефонную трубку.

– Чего мучиться, сейчас в Москву позвоним, всё узнаем.

Через полминуты молодой человек услышал, как шеф поприветствовал какого-то Яшу и стал спрашивать про иконы.

– Сюжет? Я тебе, сам понимаешь, могу сказать только сухим прокурорским словом, без богословского смысла.

Он стал вглядываться в фотографии и описывать.

Однако для человека на том конце, видимо, не очень толково.

– Не ругай меня, Яша. Я, как аксакал, что вижу, то и говорю... Чаша? Где нарисованы двое? Погоди, я лупу возьму.

Шеф быстро двинул на себя ящик и извлек лупу.

– Где двое, где двое... да, у одного в руках чаша.

Он еще с полминуты послушал и громко присвистнул.

– А года четыре назад у нас по убийству тоже иконы проходили, помнишь... цены по экспоненте растут? Значит, я от жизни отстал... Правильно говоришь, от уголовной жизни нам отставать нельзя. Однако получается, с реализацией преступники могут не очень себя торопить, отличный актив?.. Ну, спасибо тебе, родной... Да, очень помог.

Трубка опустилась, а глаза начальника уперлись в подчиненного.

– Растут, Володя, цены.

– И сколько?

– Обе на черном рынке при первой перекупке легко по пятьдесят тысяч баксов пойдут. А реально, сто пятьдесят и двести. Та, что с чашей, тянет на двести.

– Так ее и выламывали! Вернее, пытались.

Шеф пробарабанил пальцами по столу.

– Виктор Сергеевич...

– Слушаю.

– Иконы эти к нам на хранение принимать надо. Церковь пока заперта, вход опечатан, но надежности никакой.

– Не надо пока принимать на хранение.

– А как?

– Я с полковником этот вопрос вчера обсудил. Доступа в церковь сейчас ни у кого нет, сигнализация там самая современная, сунутся – сработает обязательно. Сергей Петрович еще вчера приказал закольцевать сигнал с их дежурки на всю дорожно-патрульную службу. Там от двух ближайших маршрутов езды меньше минуты. – В выражении лица молодого сотрудника появилось сомнение, прокурор понял причину: – Конечно, шансов, что второй раз сунутся очень мало, но какие-то есть, а кроме того, все формальные подстраховки насчет принятых мер делать нужно.

– Подстраховки?

– Об этом я позже скажу. Теперь как можно скорее про этого дьякона разузнай – всю его подноготную.

– В смысле, что от него наводка могла идти?

– В этом самом. Какая семья, что за ним числится по семинарии. Думаешь, там среди современной молодежи святоши одни?.. Учти следующее обстоятельство: в семинариях сейчас учатся пять лет, с дальнейшей карьерой в академию и так далее, но через три года семинарист может выйти из семинарии для работы сельским попом или дьяконом в местах получше, вроде нашего города. Недоучился парень до хорошей карьеры. Вопрос? Короче – все справки о нем.

– Понял.

– Далее. Отправишься в собор к настоятелю, где убитый раньше служил вторым священником, тоже понятно, да? Только, Володь, в гражданской одежде, и очень вежливо веди разговор.

По селектору прозвучал голос секретарши:

– Виктор Сергеевич, из газеты «Еще не вечер» звонят, главный редактор.

– Надя, скажи, я скоро перезвоню. Теперь, Владимир, давай обстоятельства убийства проанализируем. Не нравится мне тут кое-что.

– А я не все еще рассказал.

– Досказывай.

– Кровь на пиджаке, на подкладке.

– Я уже заметил по фотографии, да, немного протекло, – прокурор взял снимок с крупным планом: – вот здесь у уха.

– В том то и дело, что есть и в других местах – ниже головы значительно. Немного, но есть.

– Вот как?.. Странно. Ну-ну, твоя версия?

– Преступники не убивать шли, а просто ограбить.

– Вероятно вполне.

– Но увидели свет, там узенькое оконце в его кабинете. Стали раздумывать. На эти иконы, скорее всего, есть заказчик. А исполнители – чмо, отвязанные какие-нибудь.

– Продолжай.

– Стали раздумывать, аванс в таких случаях, дело обычное, какие-то деньги они получили. Раз взялись за работу – выполнить надо. А дальше вы сами от контрактуры шейных мышц подсказали.

– Молодец, въехал.

– Преступники заметили у изгороди небольшую лопату, которой очень удобно оглушить сверху по голове. Но у священника реакция сработала – дернул головой в сторону и получил концом прямо в висок.

– Весьма похоже.

– Однако сами они испугались. Жив, не жив – разбираться не стали, сняли с него пиджак, ну и, пока на пиджак укладывали, кровь еще в двух местах прокапала.

– Хочешь сказать, мокрое дело им не нужно, позаботиться решили о жертве?

– Да, вдруг очухается. Но страх уже появился, преступников напрягло. А дальше ерунды было достаточно. Вдоль Черного леса – дорога, гудка автомобильного могло им хватить, еще чего-нибудь в этом роде. Паника, и бежать.

– Ответь, пожалуйста, если шли по наводке на те две иконы, зачем выдрали дешевую, что на полу валялась?

– Просто, Виктор Сергеевич! – молодой человек от радости поднял голос: – Она рядом с ярославской стояла, вплотную, мешала просто. Выдрали, чтоб с ярославской аккуратно уже разобраться.

Шеф чуть подумал и довольно кивнул:

– Хвалю, Володя, хорошо выстроил. Знаешь только, что в данном сюжете паршиво?

– Что?

– На «висяк» к нам это дело просится. Отпечатков нет – это раз, два – ничего не взяли, то есть нет розыскных улик. Если отвязанные, как ты говоришь, чтобы не сталкиваться с заказчиком, сбегут в крупный город, на простую работу устроятся – это ж перекаати-поле. И не факт, что заказчик после убийства вообще станет на них выходить.

Подчиненный погрузился, по-детски совсем.

– Что же я, как следователь, с «висяка» начинаю?

– Ты не кручинься. Во-первых, все могло быть не так.

– А как?

– Могли идти намеренно на убийство. И лопатку приглядели заранее. Они ведь место, куда пойдут, предварительно изучали – это наверняка. Во-вторых, почему в такое позднее время священник им дверь открыл? Не знает, что церкви грабят?

– В двери есть глазок, и фонарь над входом дает сильный свет.

– Вот видишь, стал бы он открывать неизвестным людям?

– Преступники могли, например, сказать, что кто-то умирает и причаститься хочет.

Прокурор, не соглашаясь, мотнул головой и даже слегка повысил голос:

– Сказать могли, только впускать их внутрь ему не было никакой нужды. Кроме того, он должен был пойти взять священническое облачение, еще кое-какой, так сказать, реквизит. Ну, выманили, а потом в панике, как ты говоришь, всё это барахло с собой захватили?

– Нет, – подчиненный грустно вздохнул, – там бы и валялось.

– Теперь насчет «висяка». По такому делу о священнике, если следствие забуксует, обязательно будет серьезная проверка. Я не хочу быть циничным, Володя, но на «висяке» тоже можно набрать очки.

– Каким образом?

– Показать исчерпывающую, высокопрофессиональную работу следствия. Давай, поэтому, не грузись лишними мыслями и действуй по нашему плану.

Молодой человек повеселел:

– Свободен?

– Свободен.

Оставшись один, прокурор хотел было внимательно перечитать заключение медэкспертизы, но вспомнил о приятном – обещании перезвонить Маше Шестовой.

Сначала подошла секретарь, затем он услышал обращенный к кому-то мелодичный голос:

– Передайте этому обормоту, задохлую статью в номер я ему голову оторву. Алло?

– Госпожа Шестова, нельзя так громогласно объявлять свои преступные замыслы. Мне прямо сейчас выписать ордер или вы предпочтете лично дать объяснения?

– О, господин прокурор! Очень приятно вас слышать. Если я расскажу в этом преступном намерении и дам признательные показания еще по нескольким, мне зачтется?

– Вплоть до заключения под стражу.

– Тогда в восемь вечера. Вы легко доберетесь от своего дома пешком в наше уютное полуподвальное помещение.

Прокурор попросил секретаршу принести чаю и принялся внимательно изучать медицинское заключение.

=====

Спокойствие пришло – неожиданное и словно чужое со стороны, – тупое, остановившее чувства и мысли.

Кроме одной – сделать уже ничего нельзя.

Время встало...

Снова пошло.

От другой мысли – холодной, как этот воздух перед рассветом, и такой же от всего независимой: надо восстановить справедливость, иначе мир окончательно потеряет себя.

Мир может зависеть от одного человека.

=====

Новый шеф Владимиру нравился: легкий и действительно искренний, а не с той нарочитой непосредственностью, которой любят прикрываться некоторые начальники. К тому же, по всему ясно – отличный профессионал. С предыдущим «главным» проблемы, правда, тоже не возникали, корректный был человек. Но дистантный, с ощущением своего серьезного уровня; терпеть не мог повторять дважды, казарменный несколько стиль держал, холодком от него отдавало. И предупреждал напрямую: возиться с проверками не станет – сами заботьтесь, чтобы никаких компроматов на вас было, выставить из прокуратуры он всегда способ найдет. В мэрии его даже очень побаивались, хотя делишки свои обдывали. Но как-то он рулил ими, чтобы не зарывались.

У собора Владимир остановился, осмотрел брюки, поправил галстук.

Робость некоторая возникла – со священниками никогда разговаривать не приходилось, и почти индифферентный к религии, относился он к ним, как к людям другого, малопонятного мира, отдаленного от привычного еще больше, чем мир, например, театральных кулис или иной какой-то экзотики.

Мысль озадачила – а как до этого настоятеля добратся, а если служба в храме идет?

Внутри... нет, службы не было.

Десятка два человек на большом пространстве.

Подсвечники массивные чеканной выделки, дорогие оклады икон, огромный иконостас – торжественно очень.

Та небольшая церковь у леса в сравнение не идет.

Служка какой-то сбоку продает свечи; в секциях лежат разные, цена по размеру.

Владимир подошел и тихо представился.

Тот не с первого раза понял, чего он хочет.

Потом понял, попросил подождать.

Быстро очень вернулся, следом за ним шел другой – в строгой черной одежде, шапочка с красным вышитым крестиком.

Владимир снова представился и услышал: «пойдемте».

Прошли из зала в боковой проход, лестенка вверх металлическая, старая очень, но крепкая еще и отменно начищенная.

Поворот по лестенке, снова вверх...

Дверь.

Провожатый вошел первым.

Владимир, следом за ним, оказался в маленькой темноватой прихожей.

Стало светлей от отодвинутой занавески, он ступил на порог комнаты средних размеров, дверь у противоположной стены вела далее во второе какое-то помещение.

Тут похоже на кабинет: стол письменный с бумагами, кресло – обычное офисное – и два таких же для посетителей по другой стороне стола. Скромно вполне, непримечательно.

Провожатый постучал в ту дальше дверь, надо понимать – во внутренние покои, что-то ему ответили, он всунулся, прикрыв дверь за собой.

Скоро совсем она широко отворилась, вышел человек – небольшой, толстоватый, в простой темно-серой рясе, волосы седые, не особо учесанные, и такая же неприбранный борода.

– Здравствуйте, присаживайтесь, – хозяин проворно устроился за своим рабочим столом, – вы, полагаю, в связи с убийством?

– Совершенно верно, я бы хотел задать вам несколько вопросов о личности погибшего. Не очень вас этим беспокою?

– Спрашивайте, сын мой, до службы времени еще много. Да, не желаете ли чаю?

Пить, в общем, немного хотелось, но деликатность предпочла отказаться.

Он показал кивком ожидавшему клирику, что тот может идти.

– Погибший раньше работал, – начал Владимир и сразу замялся, – э... служил – не знаю, как правильно выразиться – с вами в соборе.

– Одинаково правильно. Да, нес службу в соборе два года. До этого занимал место проректора губернской семинарии, – гость уже обратил внимание, что настоятель говорит быстро и приятно молодым голосом. – Боюсь, впрочем, вас несколько разочаровать – покойный был необщительным человеком, уединенного склада. Беседовали мы с ним почти исключительно о текущих делах, даже по богословским вопросам, где он был признанным специалистом, не помню, чтоб приходилось всерьез разговаривать. – Молодого человека сказанное совсем не обрадовало, и священник, это заметив, попытался ободрить: – Однако же вдруг вспомнится какая-нибудь деталь, вы спрашивайте.

Владимир отметил себе – покойный работал здесь в городе в целом недолго, отчего-то поменяв должность, и хотя он не разбирается в иерархиях, сомнений нет – проректор семинарии никак не меньше, чем рядовой батюшка в церкви на окраине города.

– Первое, с чего мы в таких случаях начинаем: были ли у убитого враги, не выказывал ли он, прямым или косвенным образом, опасений, страхов, признаков подозрительности?

Седая голова напротив, отрицая, качнулась:

– Никаких признаков не наблюдали. – И пояснил: – После убийства мы тоже обсуждали разные версии. – Он сразу поправился: – Точнее, пытались.

– И ничего определенного?

– Увы.

– Информация, которую я сейчас сообщу, в интересах следствия пока не раскрывается. Вы понимаете?

Ему со снисходительной улыбкой кивнули.

– Преступники, судя по всему, не собирались его убивать. Их интересовали две ярославские иконы пятнадцатого века, переданные, как нам известно, в церковь из вашего собора.

Сообщение не то чтобы вызвало у хозяина замешательство, но как-то подействовало и затруднило ответить сразу.

– Вы ведь передавали для его церкви две эти иконы?

– Передавал.

Снова пауза.

– Простите, вас что-то смущает?

– Смущает... вы правильно сказали. – Он снова заговорил в прежней манере: – Вы сами иконописным искусством не интересовались?

– Нет, не пришлось.

– Вот. Искусство это очень отдельное от прочих художеств. И разбираются в нем, естественно, очень немногие люди. Даже профессиональные художники в этом часто не смыслят. Хотя, разумеется, сами они, хе, другого мнения. Я с некоторым основанием говорю, так как прежде чем Бог обратил меня к вере, два курса Суриковского института в Москве закончил. Скажу теперь про детали: различить в иконостасе – а там больше двух десятков икон – достоинство этих двух, ярославской школы, совсем непросто. Тем более, церковь совсем недавно открыта и ее посещало незначительное число прихожан.

Владимир позволил себе возразить:

– А что особенного-то, если раньше иконы в соборе висели? Тут их и могли заприметить.

– Не могли, в том-то и дело. Они находились в запасниках. Собор, милостью Божьей, имел много хороших икон. В двадцатые годы, когда большевики организовали погромы церквей, тогдашний настоятель собора сумел договориться с местным главой коммунистов – а среди них и приличные люди случались: сдали все золотые оклады, прочее ценное, а те, со своей стороны, оставили собор в покое и даже службу в нем, хотя ограничили, но не запретили совсем. Прослышав, сюда из губернии, тайком, разумеется, везли наиболее чтимые в приходах иконы. А позже, при сталинских репрессиях, приносили и граждане – боялись люди, что обвинят «в чуждой идеологии». Теперь, с новым временем, мы начали передавать хранившиеся в запасниках иконы, но что касается икон исторической значимости – только в места, где обеспечены необходимые для них условия. Та церковь имеет кондиционирование – хороший температурный режим.

– Кто знал ценность ярославских икон?

– Я, наш старый служитель, которого уже нет два года на этом свете, сам покойный, – пожилой человек развел руками, – и те неизвестные нам люди, которым он об иконах рассказывал. – Опять в его лице явилась задумчивость с оттенком недоумения. – Однако вот, есть в этом деле с иконами одна непонятность.

– Какая же?

– В той церкви имеется значительно большая редкость – псковская икона двенадцатого века, и она, несомненно, дороже любой из тех двух, а скорее – обеих вместе.

Владимир почувствовал в голове пустоту, и чтобы уйти из этого состояния, быстро спросил:

– Она тоже из собора?

– Нет, подарена была церкви одной прихожанкой – незадолго до своей смерти подарила. И об этой иконе в уведомлении, уж во всяком случае, находилось гораздо больше людей.

– Икона помещалась в иконостасе?

– Отдельно. В церкви, если помните, два небольших придела.

– А, такие выпуклости, типа эркеров, слева и справа?

Видно, невежественность молодого гостя досадила священнику, потому что легкое кривление лица он сдержать не сумел.

– Н-да, вот в правом приделе она и висела.

– Это что, можно просто подойти и снять?

Владимира почти что охватил ужас – не помнил он сейчас, что там висело или уже не висело, ужас прочитался хозяином, который поспешил скорей успокоить:

– Однако ее не украли. Я ведь выехал в церковь сразу, как пришло сообщение из полиции. Сам полковник, Игорь Петрович, допустил меня, когда еще тело убиенного не было увезено.

У Владимира завертелись цифры: две сотни тысяч за ярославскую пятнадцатого века, а псковская – двенадцатого – это еще дотатарский период, это вообще что такое, может и миллион?

– То есть... а если спектакль?

Он запустил руку в волосы и не сразу ответил, когда хозяин поинтересовался, что гость имеет в виду.

– Сделали вид, что шли за одними иконами, а взяли другую.

– Простите, зачем?

Теперь он не понял вопроса и посмотрел на священника.

– Зачем делать вид? – пояснил тот.

– С целью подмены. Отвлечь внимание на другие иконы – следственные органы решат, что кража не удалась, и псковская икона не будет объявлена в розыск. Не будет даже принята во внимание, понимаете?

Теперь хозяину захотелось поворошить свои волосы.

– Да-да. Я, конечно, не рассматривал икону, просто взглянул в ту сторону. Хм, за пять месяцев, что она там висит, нетрудно изготовить подделку, – мысль собственная ему не понравилась, брови от этого мрачно сдвинулись. – Потребуется теперь специальная экспертиза... Впрочем, если желаете, я мог бы завтра сделать предварительный осмотр, возможно, он что-то скажет.

– Очень желаем.

У Владимира, между тем, уже слегка свербело внутри.

– Святой отец, простите меня, но как же было держать серьезные ценности в маленькой церкви? Человека, вот, и убили!

Священник, чуть погрузнев, произнес:

– Попущение Божье.

Захотелось чего-то вроде – «зачем же на Бога кивать?», но памятуя о вежливости, он сдержался и негромко спросил:

– «Попущение» – что такое, в каком оно смысле?

– Попущение разным бывает. Скорбным, когда взирая на нас Господь думает: что же сделаю вам, если сами к хорошему деланию не стремитесь. А бывает и попущение, видимое нами как злое событие, однако не от злого умысла исходящее.

«Вот заморочки!»

– Так у нас какой категории попущение, – у него нашлось вдруг нужное слово: – богооставленности?

– Не могу я о сём судить, сын мой.

– А по-моему, человеку концом лопаты в висок – зло в чистом виде. Ну как вот такое попущение? Священнику-то за что?

– Вы не сердитесь, – очень дружелюбно сказали ему. – Зло причиняющего может и не быть злом для претерпевшего.

– В том числе и убийство?

– Смерть постигнет всех нас. Разница в том, что неверующие или смутно верующие люди отодвигают ее всеми силами из сознания. Но истинно верующие не страшатся, их сознание измеряет каждый шаг и поступок, как если бы смерть случилась сейчас.

Владимиру не очень понравилась такая «интерпретация», но возражать было нечего – каждый живет, как ему нравится.

– И почему, сын мой, вы считаете, что внезапная немучительная смерть от зла была злом для усопшего?

Это совсем, совсем смешало недоумение и протест. Собственно, от такой психологии всего один шаг до «непротивления злу насилием», а там – и до ликвидации правоохранительных органов недалеко.

Владимир, желая дать выход негодованию, сосредоточился и сразу нащупал очень верную мысль.

– Вот вы сказали сейчас «смерть от зла». Заметьте, вы произнесли слово «зло».

– Заметил! – крайне весело согласился священник.

– Предположим, смерть от зла не всегда может быть, э... ну неважно. Однако это не ликвидирует само зло. Оно-то, как таковое, зачем нужно Богу?

– Совершенно не нужно. Но ведь зло идет не от Бога.

– Ладно, от сатаны. Почему же Бог его в самом начале, как там, когда тот падшим ангелом начал быть...

Удивительно – его справедливая и такая понятная мысль вызвала у старого человека почти детскую радость.

– А что Бог должен был с ним сделать? – в глазах неуместная к теме веселость. – Предложите, как сейчас принято говорить, альтернативу.

– Очень просто, и ничего нет смешного, в пыль его, подлеца, превратить.

Что же такое, это старика еще больше обрадовало.

– В пыль, хе-хе-хе? Пыль – всего лишь очередная форма материи. Не материя действует в мире, сын мой, а то, что ее наполняет. Да, но начало мирового действия вы очень правильно угадали, – он ласковым взглядом попросил дать время на продолжение: – Падший ангел... ангелы были Божьим твореньем, а всё сотворенное снабжается силой. Но сила толкает к самостоятельности.

Владимир все-таки не удержался:

– Ангелы ведь созданы хорошее делать.

– Отменно правильно! Только сие означает, что ангелы должны знать, что есть – «хорошее» и что есть – «плохое». Полное же знание об этом имеется только у Бога. Первое знание, таким образом, было получено ангелами, а не человеком, вот один из них и решил, что знает всё обо всём. Тут нет удивительного – любая в мире возможность означает, что это рано или поздно случится. Отправляться в дальний неизведанный путь, ожидая в нем всякого, – таково условие для рожденья истории. Или никуда не отправляться, то есть вообще не начинать ничего.

– Если я правильно понял, падший ангел был, таким образом, предусмотрен?

– Неизбежен, точнее сказать.

– Так, но ясно не до конца. Почему он стал вредить человечеству и сотворил зло?

Священник сдвинул брови, впрочем, без выражения гнева.

– Тут страшная путаница, сын мой, – он даже махнул от себя рукой, – падший ангел зло не сотворил – он узнал о нем после собственного сотворения. И наличие в мире зла увеличить вовсе не в его силах – это просто наличие того возможного, что не связано с деланьем доброго. Доброе, – прозвучало громче: – нужно делать. Порой всего лишь небольшими усилиями, но иногда и жертвенными. Всё остальное в жизни, как вам сказать, не белого цвета... немало черного, а больше – серого, оно как сильно разбавленный яд, не чувствуемый, но уничтожающий постепенно. И эта дрянь тоже падшему ангелу не нужна.

– Так что ж ему надо, для чего он старается?

– Для себя. Он уже не может выйти из спора с Богом, в этом его трагедия. – Священник словно извлек что-то из памяти: – О, это был когда-то самый умный из ангелов, а ум не желает оставаться покорным. Мир, как хочу я вам донести, может быть сотворен лишь во всей пол-

ноте, и кто-то из ангелов должен был получить ум в крайней степени. Но даже простой человеческий ум всегда находится в каком-то конфликте с действительностью, и от этого рождаются недовольство, обида. А полнота мира требует обиды даже на само мироздание или, во всяком случае, на свою в нем судьбу.

– Ну и диалектика... постойте, ангел, стало быть, был обижен.

– Почувствовал себя так.

– А какого этого, ну, не хватало ему?

– Очень просто – его судьбой распорядились не спрашивая о том. Человек волен в своем жизненном выборе, он может, в конце концов, выбрать смерть в борьбе за свою земную свободу. А ангел, назначенный служить Богу и людям, ничего этого, по замыслу о себе, не может.

– То есть опять – не может, но должен найтись, который сможет?

– Который захочет – правильное сказать. И что ему оставалось в своей борьбе? Раз Бог учит не совершать ничего греховного – значит, он будет искушать грехом человека. Хотя занятие это для него нерадостное совсем.

– Вот, теперь понял. Нет, маленький еще вопрос: а без ангелов было нельзя? Ну, что называется, «напрямую»?

– Напрямую... а вы своей волей сюда ко мне пожаловали?

Ответ подсказался из «классики»:

– Волею пославшего мя прокурора города.

– То-то.

Оба улыбнулись друг другу, Владимир хотел встать-попроситься, но вспомнил вдруг, что с реалистическим образом сатаны сталкивался в литературе всего один раз, и редкая возможность беседы с таким человеком подтолкнула на, может быть, смелый слишком вопрос:

– А к Воланду из «Мастера и Маргариты» вы как, простите, относитесь?

Он даже голову слегка опустил, опасаясь, что сотворил неуместное что-то, бестактное.

– Ох, интересно вы, сын мой, сейчас спросили! – искренне прозвучало в ответ, и у Владимира, что называется, отлегло. – Да-а, очень в канву нашего разговора.

Хозяин улыбнулся, показалось – не только гостю, но и себе самому, потер руки, готовя ответ...

– У Булгакова была гениальная интуиция, – заговорил он. – А что это как не связь с миром, лежащим за пределами наших непосредственных знаний?

Гостю формулировка понравилась, он согласно кивнул.

– И вторая черта – непримиримость, стояние на своем. Михаил Афанасьевич на допросе в ОГПУ в 26-м году прямо сказал: советскую власть признаю как исторически состоявшуюся, а в революции был полностью на стороне белых.

Хозяин приостановился, заметив, что молодой человек этим фактом весьма удивлен.

– Не понимаю, как оно ему сошло, – растерянно проговорил тот. – И зачем он вот так в открытую?

– Я вам про готовность к смерти раньше чуть говорил: важно не когда ты умрешь, а каким. У Булгакова, сын мой, была священническая натура, не по жизни, а глубоко родовая – кровная.

– Я знаю только, отец был профессором богословия.

– Оба деда священники сельские. Про бабушек нет точных данных, однако известно, что за простых, особенно сельских, священников замуж чаще всего отдавали поповских дочек.

Опять какая-то товарищеская манера, исходящая от настоятеля, подвинула Владимира на рискованное высказывание.

– Однако в жизни Михаил Афанасьевич был небезгрешен, а по вашим сейчас вот словам – даже мятежным был человеком.

Священник взглянул на гостя с показавшимся в глазах уважением.

– Вы очень точно смысл передали, очень. Мятёжность, да, рожденная двумя полюсами: страстью к жизни и финальным ее ощущением. У натур средних тоже есть этот конфликт, но он мало говорит о себе, сокрытый под мелочами жизни. Однако недюжинная натура, слыша все голоса, различает среди них главный. А кровь и семейное воспитание напоминали ему постоянно про главную цель прихода Иисуса Христа в этот мир: показать людям – жизнь человеческая не находится в конфликте со смертью и не заканчивается на ней, показать своим жертвенным ради них претерпением. Собственно, в этом и метафизика романа, который не есть в обычном смысле роман, это раздумья последних двенадцати лет жизни Булгакова, осмысление глубинных своих ощущений, и опять – не для себя самого, а чтобы выразить людям. Это путь, с одним окончанием – и романа и жизни. Но путь, по которому он мог пройти только с Воландом.

Прозвучало так неожиданно, что гость вздрогнул.

– Вам это кажется странным?

– Кажется, – захотелось быть вполне откровенным: – даже очень странным.

– Я несколько не договорил про павшего ангела, о его обиде на Бога.

Владимиру, наоборот, представлялось всё завершенным, и он позволил себе:

– Вы сказали, обида была на служебную роль, на отсутствие выбора, дарованного человеку.

– Верно. Поэтому, во-первых, он выбор все-таки сделал: сопротивление Богу.

– Получается – выбор в том смысле, чтобы данное ему не принять.

– Именно так. И обратите внимание: талантливый человек никогда не принимает вполне данность жизни, его тяготят ее рамки. Мятёжность Булгакова – проектность самого Воланда, вы правильно абсолютно почувствовали. А во-вторых, напомним о главном: это был самый умный и сильный ангел. И самый близкий, сначала, к Богу. Какую же судьбу он – избранный – считал вправе себе хотеть? Или спрошу по-другому: к кому мог создателя своего возрешивать?

Подсказка совсем очевидная, однако Владимир почувствовал – он не может произнести Имя, и сказанное священником страшновато ему своей истинностью, от которой на мгновение мир стал много больше привычного.

Ответ, впрочем, и не понадобился, священник продолжал:

– А теперь вспомним финальную часть романа Булгакова, когда Воланд глядит на Москву с верхней площадки дома Пашкова.

– И к нему является...

– Да, апостол Матвей. В этом месте Булгаков не высказал напрямую словами, но сумел оставить главное впечатление, заложить его в подсознание каждому читателю – едкую, необоримую зависть Воланда ко Христу, и его укор Богу – зачем он, а не я! Но ведь сразу за этим неизбежно возникает вопрос: а смог бы я? И каждый раз, задавая себе этот вопрос, Воланд становится человеком. Вот вам разгадка павшего ангела, понятая до конца гениальным Булгаковым. Здесь же и судьба всей страдальной компании – бесконечный путь звездной печали, ведь и им неведом конец истории – срок Судного дня.

Ощущение верного, но необычного очень; и угаданное, а не показанное ведь самим Булгаковым.

– Простите, явного такого в романе я не помню.

Хотелось еще добавить – роман он зачитал в юности «до почти наизусть», и в классе был среди первых по цитированию и ассоциациям всяким.

– Вы правы, это домысливание. Но согласитесь, любое сильное произведение тем и сильно, что производит в нас умственные и чувственные движения – они погружают людей не только в сюжет, где мы, иногда, начинаем двигаться сами, но и в авторское ощущение мира, а оно не всегда до конца осознанно самим автором, – священник поднял руку для особенного внимания: – И надо понимать: не всякая глубина ощущения до конца выражается словом.

Вплоть до этой фразы все выглядело со справедливо претендующим смыслом, здесь же возражение явилось незамедлительно:

– А как тогда – сначала было Слово, и Слово было Бог.

– Вы сами сказали – Бог. А мы, в несовершенном к Нему подобии, несовершенны и в Слове.

Хозяин ласково улыбнулся и назидательно, чуть, добавил:

– Не бойтесь домысливания, без него далеко не все можно понять.

– Странно, – помолчав, произнес Владимир, – я и не знал, что Церковь стоит на таких интересных позициях.

Однако священник несогласно качнул головой:

– Нет, сын мой, не Церковь – отдельные умы Церкви в ее прошлом и настоящем. Официальная же доктрина опирается на Апокалипсис, где сказано, что все отошедшие от Бога силы объединятся против него в черное войско во главе с Сатаной.

Владимир быстро потер пальцами переносицу, очень не хотелось, чтобы хозяин заметил пробежавшую по лицу гримасу.

– Что, сын мой, вам не нравится?

– Однозначность. Если наперед известно, что дальше будет, исчезает самое ваше главное – выбор.

– Очень правильное замечание. Поэтому Апокалипсис был включен в Священное писание при многих мнениях против. И правильнее всего к нему относится, как к предупреждению, предупреждению человеку.

– То есть вы хотите сказать, что человечество своим поведением продиктует тот или иной конец христианской истории?

– Пять с плюсом, сын мой! Да может ли быть иначе, если из-за человека, ради человека всё замышлялось и строилось? Вот и Сатана, – взгляд священника ушел мимо гостя куда-то в иное пространство, – смотрит на нас и думает: как ему все-таки действовать дальше?

Владимир на миг сам почувствовал «иное» пространство.

И образ мелькнул.

Кого-то очень сильного и чужого.

Пауза наступила... отстраненная ото всего тишина...

Ненадолго – сначала в сознании, потом звуками за старинным, заостренным кверху окном, и всем прочим физическим ощущением, объявился тот мир повседневности, откуда Владимир пришел и куда теперь пора возвращаться.

Прощаясь уже, он спросил о родственниках убиенного и узнал: у того есть двоюродная племянница в Петербурге, ей сообщили, должна вот-вот приехать.

Наружу, на просторной у собора площади, легкий ветерок умыл прохладой лицо, заставив думать о текущем, о делах – прежде всего. Мысли стали выстраиваться от добытой сейчас информации.

Во-первых, следует обратить внимание шефа на странный переход убитого с должности проректора семинарии в столице губернии на простую, практическую, так сказать, работу – здравый смысл не очень-то соглашается.

Во-вторых, церковь строил Зубакин, который с убитым священником был на короткой ноге. Тут не Божье попущение, тут расчет, что за иконами в церковь никто из городских не посмеет сунуться. Не учли двух возможностей: наркоманов, которых не остановишь ничем, и «гастролеров», которым на Зубакина десять раз наплевать. Значит, можно доложить шефу, что розыскные направления все-таки имеются.

Прокурор решил не мудрить с одеждой и пойти в кафе так, как приехал: кожаный пиджак, удобные комковатые брюки, кроссовки; только вместо футболки, чтобы не выглядеть слишком уж вольно, приличную рубашку надел.

Место, куда идти, он посмотрел еще у себя в кабинете по городской карте – минут всего десять от дома, если быстро шагать.

...

Завтра к одиннадцати его ждут в губернии, машина подъедет к подъезду в половине десятого – не рано, но все равно в кафе не стоит засиживаться. А часам к трем он в город вернется, будет время еще поработать, и надо самому место преступление осмотреть.

Странную информацию Володя из собора принес. Третья икона... можно Якову в Москву не звонить, и так понятно, если учесть к тому же хорошую сохранность иконы, – цены огромной. Володино предположение о подмене он сразу отвергать не стал – во-первых, легко проверяемо, а во-вторых, энтузиазм молодых специалистов – он себя таким хорошо помнит – охлаждать частыми указаниями на ошибки нельзя. Однако по сути ясно – если бы «шли» на эту псковскую, то не с лопатой – убили бы хладнокровно и профессионально. Причем дождались бы, когда священник пойдет домой, точнее – во время выхода. Пуля из ствола с глушителем, труп втаскивают внутрь, икона...

Прокурор нарисовал в уме общий план, расставил на нем фигуры и заставил двигаться... добавил машину, которая должна была стоять метров за сто, подлететь и забрать преступников...

Посмотрел на часы – получилось двадцать восемь секунд.

Еще раз прокрутил...

Двадцать семь.

Церковь на охранной сигнализации, но даже если бы она сработала, полиция не успевала на перехват.

Вне всяких сомнений, преступники просчитали бы всё именно как сейчас он.

Так что же, действовали непрофессионалы, как изначально предположил Владимир?

Но почему ярославские, если круг людей, знавших о псковской иконе, был шире? Или... круги были разные? Информация именно о ярославских иконах проскочила в чьи надо уши?

Дьякон этот молодой в первую очередь просится под подозрение.

Хотя, не менее вероятно – кто-то из «сметливых» прихожан.

Виктор, предположительно, уже достиг нужной точки, глаза стали искать кафе и почти сразу наткнулись на вывеску столбиком – «Для своих» у уходящей вниз лестницы с лакированным деревянным перила.

Он подошел ближе – вниз несколько ступенек, охранник у двери; Виктор показал карточку-пропуск, его вежливо пропустили.

Помещение небольшое, аккуратное, стены обиты деревом – обстановка неброская и недорогая.

Семь круглых столиков – четыре из них свободны, дальше бар... присутствует несколько человек всего, госпожи Шестовой среди них нет.

Виктор сел за столик, посмотрел на часы – ровно восемь.

Можно было взять пива в баре – люди пьют разливное – но за стойкой бара нет пока никого.

Он просидел минуты три без малейшего к себе с чьей-нибудь стороны внимания – за спиной у входной двери раздались голоса и смех.

Две молодые женщины, двое мужчин... нет ее среди них.

Прокурор вернулся в прежнюю позу и увидел, к столику идет женщина... то есть вот она и идет.

Блуза белая с коротким, приспущенным синим галстуком, юбка такого же цвета. Юбка чуть выше колен.

Не так давно на служебной выпивке, с начавшимся уже перебором, заговорили про баб, кто-то поставил вопрос – чем отличается женщина от бабы? – и стали сходиться, что это всего лишь культура речи, но Яша заявил: «Нет, женщина от бабы отличается» – «Чем?» – «Благодарством!». Победоносно у него получилось, и остальным вышел упрек – дескать, простого не разумеете. «А в физическом выражении, – пояснил он снисходительно, – у женщины это часто наблюдается в “хорошей породе”». Толстого еще привел – кусочек из «Воскресенья».

– Здравствуйте, очень рада вас видеть.

– И я, – он встал и слегка пожал ее руку.

Вот у Маши вся привлекательность именно в этом – не красота, а эстетичность – «порода».

– Вы сегодня в гостях. Не скажу, что каждый раз будем вас баловать, но сегодня – карт-бланш.

– Радость, которую не способен скрыть. Если б вы знали, до чего редко нашему брату-прокурору удастся попользоваться на дармовщинку.

Весело блеснули ее глазами, на секунду явился ровный ряд белых зубов, он успел рассмотреть сейчас – глаза все-таки карие, но оригинально-светлого тона.

– Так что для начала?

– По скромному – пиво.

Она быстро встала и направилась к бару.

Ноги на небольшом каблучке, не то чтобы очень красивые, но с правильными пропорциями. А правильное – уже этим самым эстетично.

Она зашла за стойку бара, покрутилась там чуть и скоро явилась с большим бокалом пива для гостя и небольшим, с вином, для себя.

– У вас тут самообслуживание?

– Наше заведение зарегистрировано как одно из подразделений газеты. Мы некоммерческий клуб. Продукты и напитки покупаются в торговой сети, микроволновка позволяет всегда иметь горячие блюда, овощные салаты быстро делаем сами – у нас даже соревновательность в этой сфере.

– Прекрасное заведение: ни кассового аппарата, ни разрешения санитарной службы. Ваше счастье, что у прокураторы хватает дел и не хватает кадров.

– Ой, не желаю никому зла, но значит, вы до нас доберетесь очень нескоро. – Опять блеснули красивые зубы: – А правильнее, ха-ха, никогда.

– Вы выросли в этом городе, Маша?

– Нет. Я выросла в столице губернии. Там же закончила университет. Журналистику. Жила с дедушкой и бабушкой. Мама давно вторым браком в Москве, папы нет на свете. И когда мои старики умерли – почти в один год – присмотрела этот городок, где дешевле и можно завести свое дело.

– Квартиру продали?

– Четырехкомнатную, в сталинском доме. А здесь – однокомнатная, мне больше зачем? – прокурор кивнул, она договорила: – Половина времени на работе, досуг – здесь в кафе, – и улыбнулась с оттенком смущения.

– Судя по количеству рекламы в вашей газете, коммерчески вы неплохо движетесь?

– Неплохо. А как движется дело с убийством священника?

Прокурор усмехнулся, вспомнив газетную публикацию.

– И завтра появится: «По сведениям от информированного источника из нашей городской прокуратуры...»

– Напишем: «По некоторым данным...». И потом, мы можем с пользой для обеих сторон обмениваться информацией.

– На что вы меня толкаете?

– Виктор, не упрямитесь. Мы опросили прихожан, соседей его по подъезду. Сэкономите время, при вашей нехватке кадров.

Пришла мысль – некоторой информации полезно дать «утечь».

– Священник помешал при попытке ограбления церкви.

– Там есть, что грабить?

– Есть дорогие иконы.

– Иконы были «заказаны»?

– Почти что наверняка.

– Однако преступники ничего не забрали, – ее голос прозвучал намеренно утвердительно.

– Значит, вы расспросили дьякона. Ну, собственно, мы с него подписку о неразглашении не брали. Да, кто-то спугнул преступников.

– Могу добавить: две иконы пятнадцатого века, ярославская школа.

Сразу мелькнула мысль: «Дьякон не знал о третьей иконе? Покойный священник сказал ему о двух и не сказал про очень старинную псковскую? Это почему?»

– Прихожане, которых мои сотрудники опрашивали, считают, что батюшка не мог открыть дверь незнакомым людям. Дверь после службы, когда задерживался, он запирает. В двери есть глазок, с улицы над входом яркий фонарь – закрытый, лампочку с него не свинтишь.

– А многих прихожан опрашивали?

– Не очень многих. Но свидетели важные. Там несколько бабушек, проживающих поблизости, которые на все службы ходили, со священником общались. Эти всё знают.

Сейчас их взгляды часто пересекались, и он вдруг почувствовал в глубине ее глаз контролера, следящего за его впечатлениями.

– Что еще они знают?

Опять за спиной у прокурора раздались голоса входящих – публика прибывала, Маша, поверх его головы, поздоровалась с кем-то.

– Еще?.. Батюшка жил один в небольшой городской квартире. А месяца уже полтора, когда стало тепло, засиживался допоздна в своей задней комнатке в церкви. Его ведь садовой лопаткой убили, верно?

– Вот об этом писать не надо, – прокурор, чуть досадуя, поиграл по столу пальцами: – Полиции следовало, все-таки, взять с дьякона подписку о неразглашении.

– Он, как мне сказали, безобидный молодой парень.

– Это мы тоже выясним.

– Обещаю, что про лопатку не будет пока ни строки. Со мной можно дело иметь, прокурор?

В ее зрачках заиграли крошечные бесята.

– И даже хочется.

Подошла и поцеловалась с Машей девица в пестрой рубахе и джинсах с дырками у колен. Еще какая-то в одежде «отвязанная» атрибутика... однако чистое всё – даже края белых у рубахи рукавчиков.

Серые большие глаза под высокими бровными дугами уставились на него:

– Ой, а вы наш новый прокурор! Мочить будете? Могу порекомендовать отличный недалеко отсюда туалет. Или как там в Москве у вас говорят – сортир.

Нагловатая морда, хотя симпатичная, приятно подросткового стиля.

Девушка хлопнулась на стул напротив и в задумчивости взглянула сначала на бокал пива Виктора, потом на Машин с вином.

– Яна – художник газеты, – представила та, – дизайнер, фотограф и всё на свете, очень талантливый ребенок.

– Я не р-ребенок! – рычание прозвучало скорее радостно, чем агрессивно, и сразу последовало тихо-здумчивое: – Чего б, это, кинуть внутрь, чем успокоить душу?

Манера разговаривать не очень считаясь с собеседником проявила себя и дальше, не решив алкогольную проблему, она спросила серьезным, как показалось, тоном:

– Вы верите в справедливость, прокурор? – и тут же: – Или, по-вашему, это детский вопрос?

– Какой же он детский, справедливость – фундаментальное понятие, без которого человеческие отношения не развивались бы дальше биологических.

– Зато сейчас прекрасно обходятся без такого понятия, я постоянно сталкиваюсь.

– А я ни разу не сталкивался с человеком, которому неизвестно понятие «несправедливость».

– Доказательство от противного?

– Вроде того. А что касается веры, она здесь вообще не причем. Верить в факт присутствия в человеке базовых представлений не нужно – они просто есть. Другое дело – справедливость как человеческая практика – она зависит от нас.

– От нас?! – Яна уткнула в него взгляд как в маленького ребенка. – Там в Москве сидит несколько пацанов, и только от них всё зависит, и на нас им – ть-фу!

Ответ понравился близкому кругу, а прокурор почувствовал себя в неуютном одиночестве.

Но разговор резко сдвинулся в философскую плоскость и открылись дебаты – а что есть вообще такое «мы»?

И очень скоро – как это «мы» способно влиять на нас же самих.

Прокурор, испытав облегчение, решил не вмешиваться, а подождать затишья.

Оно скоро и наступило – оттого что эта же самая Яна разрушила диспут, объявив: ей нужны два помощника, готовить на всех салат.

Однако не преминула, уже отойдя от их столика, повернуться и погрозить прокурору пальцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.